

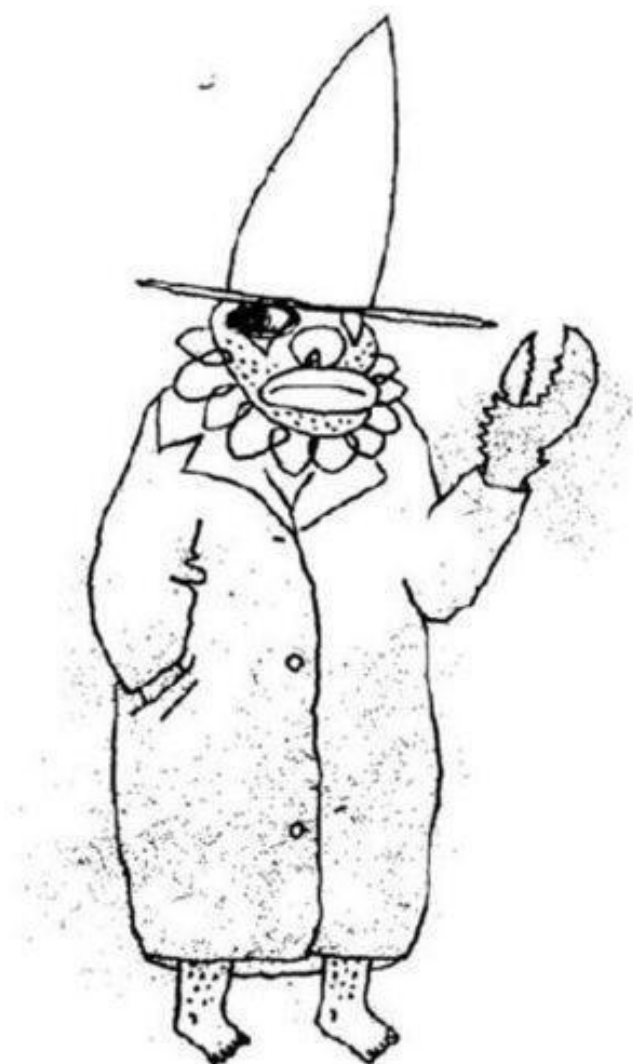
18+

Kerosene X

Onion Gravy

Некоторое внесение ясности

Повесть

Kerosene X

Некоторое внесение ясности

«Издательские решения»

Х К.

Некоторое внесение ясности / К. Х — «Издательские решения»,

Автобиография мелкого пискарёвского говнюка, обнаружившего что у него растёт клешня из подмышки. «Гротескная галерея портретов, прекрасная возможность рассмотреть развал СССР как бесконечный ярмарочный карнавал» LMR

© Х К.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	7
Раков	8
Сыпались!	8
Старенький зонтик	10
Всё из-за вашего Щипачёва	12
Скарабей	13
Значит, правду про эти дела говорят?	15
В МОКРОЙ ПОСТЕЛИ	16
Добробаба	17
Голые сволочи	19
Как слон чихает	21
Бряк распадается	22
Кепка	23
Вираз	25
Зарница или задница?	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Некоторое внесение ясности

Kerosene X

© Kerosene X, 2026

ISBN 978-5-0071-4383-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Kerosene X.
Некоторое внесение ясности.
Повесть

Onion Gravy 2026

Ракообразный — неприятное слово. Такие слова хочется делить на части. Правда, если его разделить на части, от этого оно не станет менее неприятным. Меня это настораживает. Впрочем, куда больше это настораживает папу. Папа считает, что он тут совсем ни при чём. И если бы он знал заранее, то не связывался бы с нашей семьёй, не влюблялся бы в маму...

— Почему я? — спросил папа однажды ни с того ни с сего.

И хлопнул о стол газетой.

Мама всё поняла. Она грустно посмотрела на папу. Она сказала:

— Других не было. Лёша, конечно, красивый парень, но... сам понимаешь.

Это был намёк на отношения мамы до брака. Хотя папа давно всё простил. Понимать особенной надобности не было. Ну а Лёша...

Вы, наверное, думаете, что Лёша — я?

Нет, я не Лёша. Я Боря. И, в отличие от того мамино Лёши, совсем некрасивый.

Когда-то давно, ещё в детстве, мы играли с папой в вольную борьбу. Настолько вольную, что я расслабился и решил сделать папу по собственным правилам. Тогда я не думал, что бывают какие-то правила в вольной борьбе. Я думал — борьба вольная. Значит всё можно.

Папа так не считал.

— Ненавижу раков, — закричал он, когда я положил его на лопатки. — Большие ни разу...

А я ничего и не делал. Просто заигрался. Схватил его тем, что растёт у меня, иногда раскрываясь и шипя, как мясо на сковороде...

Папа, мягко говоря, наложил с этого шипения в штаны, но виду не подал.

Строить из себя крутого с тех пор он, конечно, не перестал, но зато прекратил это делать в моём присутствии.

Возвращаясь к вопросу, что растёт у меня из-под рёбер. Допустим, я скажу, что это маленькая, почти незаметная клешня. Что вы сделаете? Засмеётесь? А если покажу? Гигантский краб в зоологическом музее — никаких ассоциаций? Этот краб — я. В недалёком будущем, разумеется.

И вот вы уже принялись отводить взгляд, пожимать плечами — словом, решили меня игнорировать.

Спасибо. Я привык.

Так всю жизнь. А вы говорите про какие-то, мать твою за ногу, подростковые трудности.

Папа мой, кстати, сам по себе Раков. По фамилии. Первый и единственный Раков, если можно так выразиться.

Мама — она Ракова уже во вторую очередь. Но виновата в моей раковости она больше всего.

С тех пор, как она удосужилась выбрать себе нового спутника жизни и расписалась с ним в загсе, мы все вдруг стали Раковыми.

И я — с выдвинутой клеиной под мышкой — тоже стал Раковым. Почему из всех Раковых эта дрянь растёт лишь у меня — лучше не спрашивайте.

Даже думать об этом не хочу.

До четырёх лет я вообще не предполагал, что это какая-то аномалия.

Всё началось после той самой вольной борьбы, о которой я уже рассказывал.

Папа обозлился на меня тогда страшно. Теперь я для него на всю жизнь самый вредный. И способен, по его мнению, только на гадости.

Я так и не научился сдерживать эмоции и постоянно на всех обижаюсь. А обидевшись, ору от обиды. Но не думайте, что я такой страшный. Все больше смеются, чем боятся меня по-настоящему.

И это обидней всего.

Думаете, я не пробовал заставлять всех бояться? Это вызывает одну и ту же реакцию — показное сочувствие. Потом все быстро собираются и уходят. Пусть даже и просто в сторону, но так, чтобы я не смог до них, при случае, дотянуться.

Я надеюсь, что когда-нибудь рассержусь на всех по-настоящему и обрету способность подчинять морские существа.

Тогда папа закатает меня в мешок и опустит на дно морское — он давно обещал.

Некоторое внесение ясности — на дно морское меня пока что не тянет. Мне нравится девочка, которая обитает на суше. Классический, стало быть, случай, да не совсем. Стыдно признаться, но я представляю её со жвалами и усиками. Иначе она мне не нравится. Тут уж ничего не поделаешь.

А главное, ей не нравлюсь я. Это принципиально. И у меня нет ни единого шанса. Так, скорее всего, будет всегда.

Впрочем, никто не мешает мне представлять её со жвалами и прочей щетинистой гадостью. Хорошо, что она всегда передо мной — за следующей партией.

Ладно. Сами понимаете, всё это чушь собачья — про морские существа и прочее. Забудьте. Ничего сверхъестественного я не умею.

Я могу только злиться и устраивать мелкие гадости.

Часть первая

Раков

Сыпались!

— Раков!

Делаю вид, что не слышу.

— Раков, я что говорю?

Я стою, красный как... ммм... не стоит вдаваться в подробности.

Некоторое внесение ясности — склонности к убеждениям у меня нет. Но ведь я прав. А они нет. И я не собираюсь давать слабину, показывая, что мне есть дело до каких-то там доказательств. Я прав и всё тут.

Началось всё с обычной шутки. А закончилось истерикой завуча Танищевой.

«Давай спорить», — кричала она, вся в слезах.

Странно, что меня можно купить на такое вот «спорить». Но я действительно обожаю споры. И я поспорил. Дошло до того, что к спору подключился весь преподавательский состав. Теперь учителя на разные голоса требуют от меня невозможного — доказательств.

— Не бывает такой чешуи, Раков. Как могут галстуки из дырки сыпаться? — в очередной раз прокричал хором преподавательский состав.

— Ведь не горох, — веско сказал преподаватель истории.

— Не горох, — я был согласен с историком. — Но ведь сыпались же? Сы-па-лись!

Так что? Были автоматы по продаже пионерских галстуков в те времена или нет? Очевидно, что были. И картинка с автоматом для продажи пионерских галстуков перед глазами стояла. Она вырисовывалась в голове так явственно, будто я только что этот галстук купил. Из одного отверстия автомата сыпались шёлковые галстуки «за три девяносто». Были и другие, ситцевые, «за два пятьдесят». Два вида на выбор... Если бы я не ляпнул с самого начала, что галстуки именно СЫПАЛИСЬ, а не ползли, скажем, пёстрой, раздырявленной на отрезки с дырочками лентой, как иностранная туалетная бумага в рулонах — мне бы поверили.

К третьему уроку поднялся такой шум, что класс не выдержал наплыва желающих спорить. Спор продолжался в учительской. Меня держали под обе руки, а Танищева вышла вперёд как вратарь перед одиннадцатиметровым.

Некоторое внесение ясности. В учительской я частый гость. И не подумайте, что я хвастаюсь. Обычно меня приводят сюда прятать от медосмотра. Учителя запикивают меня в учительскую, ставят в угол и драпируют. Не знаю уж, что они там плетут, отвечая на вопросы, куда пропал Раков, но каждый медосмотр Боря Раков прячется именно здесь. Стой, говорят, как учебный скелет. Я и стою... но когда за мной закрывают дверь на три оборота, я выбираюсь из-под унижительной ветоши, сажусь на завучихин стул и меняю для смеха местами пронумерованные папки за стеклами шкафа.

И вот теперь, вырвавшись из рук завуча Танищевой, я привычно протопал в угол, сел на любимый стул, оглядел всех с прищуром и выкрикнул:

— Сыпались!

Завуч Танищева вздохнула:

— Хорошо, что ты вспомнил про галстуки. Мы берём тебя в команду. Только вот боюсь я, что...

Я знал, чего боялась завуч Танищева. И знал, почему физрук вытер пот с укромных уголков широкого лба.

Завуч постучала по столу карандашиком.

— Не разбегаемся! Вторым отделением — «Старенький зонтик». Первым — блокадный концерт. И смотрите! Чтобы завтра у меня это самое! Чтобы завтра было всё как в блокаду!

Это значило, что меня взяли на «старенький зонтик» вместо пятиклассника Горева. Он сошел с ума из-за ошибки в слове «восемь», пытаясь написать его с двумя «в».

Выйдя в коридор, я злорадно захохотал. Будет вам старенький зонтик. Будет вам всё как в блокаду!

Старенький зонтик

Блокада представлялась Лизе и Кале протянутой от Ленинграда до Камчатки. Вместо пятнадцати союзных республик на сцене появилось не менее двадцати. Из-за костюмов они были похожи на дикий и инопланетные расы.

Во втором отделении обещали блокадника. Каля и Лиза, любя, называли его «вишенкой». Он должен был бороздить сцену в морском батискафе. Моей же задачей было спеть «Старенький зонтик», но — внимание! — не когда захочу, а по Калиному взмаху (отмашка должна была поступить в самом конце).

Я решил не мозолить глаза и удобно устроился в кресле.

Блокадник, запланированный во втором отделении, успел изрядно достать еще в первом. На картонный морской батискаф он смотрел так, будто собрался тварей морских подчинять. А на задник с русалками — будто не мог жить без моря.

Актёрам быстро надоедало кривляться под музыку. Не успев выйти на сцену, они уже начинали движение в сторону кулис. Там их ловили Лиза и Каля. Пионервожатые давали дезертирам по шее и выталкивали обратно. Актёры пытались заигрывать, но безуспешно — Лиза была беременна, а Каля ревела.

Из народов СССР на сцене осталось двое: грузин и чудовище, которого называли «старым камчадалом». Никто точно не знал, как выглядит «старый камчадал». На всякий случай его наградили усами-антеннами и виноградной лозой из спектакля по древней Греции.

Имея лишь отдаленное сходство с человеческой расой, камчадал имел грандиозный успех. Его не отпускали со сцены дольше, чем грузина; он откалывал такие штуки, что половина присутствующих сидела, обхватив голову руками, подвывая от ужаса и удовольствия. Наконец, признав поражение, грузин удалился за кулисы. Там он переключился на заигрывание с пионервожатыми. Ему это удалось: Каля перестала реветь, Лиза втянула живот и обе кокетливо погрозили грузину пальцем.

Камчадал же скакал по сцене до тех пор, пока не зацепился лозой за связку воздушных шариков. Шарик разлетелся... камчадал поскользнулся и разбил голову в кровь. На сцене появилась медичка. Думаете, шоу на этом закончилось?.

Столовка ревела от восторга; свистели и выли все, с шестого по одиннадцатый класс, включая матёрых отличников. После такого успеха выходить на сцену было бессмысленно. Но я рискнул. Почему бы и нет? Мне не хотелось расстраивать Калю и Лизу...

Желая получше узнать публику, я пошуршал подмышкой. Интересно, примёт это их или нет. Ась? Интересно, как это будет выглядеть на фоне футболки с оскалившимся китайским драконом. Ась? С передних рядов послышался первый вой ужаса. Ась? Да, наверное, там меня было слышно лучше всего.

Лиза, еще недавно кокетливо грозившая пальцем грузину, приземлилась на стул и вытерла пот. А Каля, запихав в батискаф блокадника-«вишенку», грозно насупилась:

— Семён Щипачёв. Баллада о пионерском галстуке, — сказала она неожиданным басом. Как только она произнесла «Щипачёв» из меня пощёло.

Я шуршал не только стареньким зонтиком, но и всем, чем только можно шуршать. Совершенно, можно сказать, рефлекторно, шушукал будто полиэтиленовый. И, как уже говорилось, пёр на свет прожектора. В свете прожектора, меня увидели все, даже те, кто в буфете булочки покушает.

— Передвиньте фонарь! — орал помертвевшие от ужаса пионервожатые.

Прожектором управляли с другого конца столовой. Союзные республики в ужасе замерли в драматических позах. А я ничего не мог с собой сделать. Бегал за прожектором и уже не шуршал, а отчаянно скрежетал; резко, противно и с отзвуком мела.

Согласно наспех придуманной задумке Кали о создании спецэффектов повалил едкий дым. Куча пластмассовых линеек наполовину оплавилась.

Каля отчаянно махала. Нужно было прекращать петь. Иначе произойдёт катастрофа.

Внезапно мне преградил дорогу автомат с пионерскими галстуками. Не знаю, как старшие умудрились соорудить это чудище за два дня, но аппарат внушал ужас.

Что же мне оставалось делать? На этом жизнеутверждающем фоне я взял, да и спел про старенький зонтик.

Жаль, что не до конца.

Всё из-за вашего Щипачёва

Праздничный плакат смялся в шарик и покатился в мусорное ведро. Кто-то задрапировал сцену серым и посыпал воздух мурашками. Всё умерло за секунду, будто телевизор выдернули из розетки. А зал?

Зал ревел от восторга.

Зачем понадобилось прерывать такой хороший концерт, — рассерженно думал я, — по какому, спрашивается, поводу?

Поводом было то, что наша новая директриса встала и нахмурила брови. Я подумал, она собирается произнести тост. Я решил помочь, но от волнения изо рта посыпался мыч и несвязные прилагательные.

— Что за цирк?

Я перестал мычать:

— Извините. Уж не знаю. Перепутал выходы. Старенький галстук... пионерский зонтик... как тут успеть...

— Я не про это, — процедила директриса сквозь губы.

Я замолчал.

Помогла Цыца.

— Боря, ну как же ты мог? Как ты мог? Ты вышел вместо блокадника. Блокадника! Разве ты не видел, как мы машем тебе из-за кулис?

Видел ли я, как они мне машут из-за кулис? Да я вообще ничего не видел.

— Боря!

Я показал Цыце язык.

— Что Боря? Это всё из-за вашего Щипачёва!

— Щипачёв больше всех виноват, — сказала директор, продолжая смотреть заинтересованно.

— Нет, ну правда. Эхо войны...

— Боря! Это очень храбрый, орденосный ветеран подводных войск. Он никогда тебе не простит, — всхлипнула Лиза.

— Храбрый? Почему же он тогда, чёрт возьми, не оставил свой батискаф и не пришёл вам на помощь?

Каля отвернулась к зеркалу и резким движением причесалась под мальчика. Дедушка был козырным тузом в её рукаве. Жаль что пружина, выталкивающая его из рукава, не работала.

Тут директриса как завопит:

— Забудьте вы про орденосного ветерана! Раков, вот что меня интересует! Через десять минут я жду вашего Ракова у себя в кабинете.

Каля снова заплакала. Я нерешительно направился вслед.

— Калечка, я не хотел, — сказал я ей в коридоре. — Давай попросим дедушку выйти еще раз.

Каля пыталась что-то сказать сквозь рыдания. В чувство её привёл парень из Лизиных ухажёров. Кстати, он заходил в восторге от выступления. Хуже меня был разве что отвратительный старик Мамонов, свирепствовавший в ЛДМ. Если бы не Мамонов, у меня не осталось бы конкурентов вообще.

Я сказал парню спасибо. Потом осторожно пробрался в столовку и потихонечку выглянул из-за дверей. Ого. Восторг, говорите?

Да я в жизни ещё такого фуора не видывал!

Скарабей

Директриса уронила губную помаду. Я извинился. Она махнула рукой, делая приглашающий жест: «Проходи». Я прошёл и сел на диван, втиснувшись меж стопок отсыревших диктантов.

— Раков... знаешь, в какие годы тебя бы выгнали за такие дела?

— Примерно в семидесятых, — блеснул эрудицией я, — А в блокаду и вовсе убили бы. Вы ведь это хотели мне сказать, да?

— Нет, — отрезала директриса.

Она повернулась ко мне, сжав зубы до хруста. В ответ, я тоже начал её разглядывать. Исключительно из вредности, а не из любопытства.

Лицо директрисы было красивым. Из-за мелких и заострённых черт, любой принял бы её за измождённую старшекласницу. Но из-за привычки сжимать губы в шнурок она становилась похожа на американскую жабу из «Юного натуралиста». Читая журнал, я всегда старался поскорее пролистать жабы страницы. От них становилось не по себе.

В конце концов, я сделал вывод, что новая директриса мне не нравится. Жаль, эту страничку так просто не пролистнёшь. Выворачивало меня с директрисы, вот что. Я прекрасно знал, что директриса не жаба. Она не станет метать икру передо мной в кабинете. Но такой вот я мнительный. С мнительностью ничего не поделать...

Время шло, а меня всё не отчитывали и не отчитывали.

Я решил, что плотно сжатая ниточка губ в исполнении директрисы означала нечто иное, и оказался прав.

— Знаешь что? А давай дружить, — вдруг сказала она.

— Как это? — я испугался.

Директриса подвинулась ближе.

— Так это!

— Не надо дружить, — испугался я ещё больше.

Что подумают одноклассники!

Директриса отодвинулась, хотя продолжала следить за реакцией на моей физиономии.

— Проходил семейное? — спросила она

— Там, где девственность до брака сохранять рекомендуют? — уточнил я, — Проходили в прошлом году... вроде бы.

— Отменить это семейное надо к чёртовой матушке, — задумчиво сказала директриса.

Она плюнула на полированный стол и растёрла рукавом. Потом встала, поправив причёску.

— Ты не рак ли по гороскопу случайно?

— Нет, — сообщил я, улыбаясь до ушей. — По гороскопу я скарабей.

— А так бывает? — заинтересовалась директриса.

Вместо ответа я снял вспотевшую футболку и пошевелил клешнёй.

Директриса несколько не удивилась.

— Прелестно, — сказала она, — я опять забыла, как тебя зовут.

— Вольфганг Амадей Фарадей, — пробурчал я.

— Очень приятно. Газелькина. Зови меня Олей.

Я представил себе, как называю нового директора Олей, и меня чуть не вырвало. Слава богу, свидание подходило к концу.

— Ты аленький цветочек. Нет, ты золотая рыбка. Появишься завтра. В бассейн ходим, — напевала директриса себе под нос.

Было непонятно, обращается она ко мне или просто мурлыкает песенку.

— До свиданья, старая карга, — пробормотал я, закрывая за собой дверь.

Зачем, спрашивается, ей приглашать меня в бассейн? Плаваю-то я довольно посредственно.

Значит, правду про эти дела говорят?

Был бы я экстрасенсом из тех, что читают мысли и гнут ложки по телевизору — дал бы вам на ночь экстрасенсорную установку. Жаль, только ложки я гнуть не могу. Хотя установку дать всё же попробую. Вот так, не вылезая из кровати, — возьму, да и дам. Запомните или запишите.

Установка такая: никогда, ни при каких обстоятельствах, не приходите ко мне в сны. Особенно если туда вас не приглашали. А если и приглашали, этот вопрос должен рассматриваться поэтапно. «По пустякам во снах не беспокоить». Я напишу это у всех знакомых на лбу. Потом приступлю к охоте за непонятливыми.

Ещё днём я радовался, как ловко удалось провести директрису. Чувствовал себя героем и выдавшим виды отморожком. И было бы всё прекрасно, пока я не заснул. Во сне директриса нанесла коварный удар.

Там был бассейн. В нем стоял я. Оля Газелькина делала вокруг скупые зигзаги.

Глядя на директрису, я не выдержал и спросил:

— Можно я вас представлю в жвалах и усиках?

— Давай, мой сладкий.

После этих слов Газелькина начала метать в меня икру будто гранаты.

Ощупав постель, я обнаружил, что температура простыни отличается от обычной. Я поискал взглядом разбитую чашку, но не нашёл.

Значит, правду про эти дела говорят?

Почему старая карга строит мне мокрые козни? Есть же масса куда более привлекательных вариантов. Скажем, Понкина. Я приглашал её в сны, а она всё не снилась. Говорят, правым полушарием можно представить все что угодно, в то время как левое полушарие только всё портит. Левое полушарие услужливо подсовывало вместо Понкиной велосипеда и перочинные ножки. Они были совершенно реальны — возьми руку да протяни. Но из-за велосипедов и ножигов я не мог сосредоточиться конкретно на Понкиной.

Её нога, появляющаяся из тумана на велосипеде, вдруг уезжала, перескакивая с одной педали на другую. Догнать ногу не получалось.

В один прекрасный момент, заснув с книжкой по школьной программе, я опознал Понку в одной из великосветских барышень. Мне нравилось всё, кроме причёски. Причёска у отвратительной барышни была как берёзовый пенёк. Голова была увешана лиловыми бруньками.

Отворачиваясь лицом к стенке, я продолжал вызывать Понкину перед сном. Сперва выплывали обвислые бруньки, и лишь после них выходила Понкина. Она была лысая, как коленка. Потом бруньки снились отдельно от Понкиной, и это уже никуда не годилось.

Вчера я крутил в голове фамилию Газелькина. Без всякого умысла — просто так. Фамилия, видите ли, дешёвая, смешная. Ничего крамольного я себе даже не представлял...

А проснулся в мокрой постели.

В МОКРОЙ ПОСТЕЛИ

«Электроньчка» показывала восемь утра. Я вытер кровать и набрал номер Кактуса.

— Кактус, спаси. У меня во сне преподавательский состав... Мечут икру и так далее...

Не хотелось ограничивать себя одной директрисой. От широты души я присовокупил к фантазиям географичку и физручиху. А ещё воспитательницу дошкольного образования Карбасову, по кличке Карабас. Карабас обладала загадочной внешностью и шишкой на голове, что делало её похожей на инопланетянина. Когда Карабаса просили произнести «Атас, пацаны, участковый идёт», она мило смущалась. В принципе, можно было считать её хорошенькой.

— Что значит, мечут икру? — Кактус заинтересовался. — Пристают? По пятам ходят?

Кактус, ты ненормальный. Такой же ненормальный, как я. Разве только, чуточку поумней. Почему я звоню ему сейчас? Потому что именно Кактус объяснил мне, что такое любовь мужчины к женщине, продемонстрировав процесс на солдатиках. Спрашивается, чего я от него ожидаю? Такой же наглядности, чёрт побери!

— Приманивают, — сказал я, немного подумав.

— А физруки? — заинтересованно спросил Кактус.

— Чего физруки? — зло прошипел я.

— Ничего, — помолчав, сказал Кактус, — надо бы разобраться.

— В чём разобраться?

В трубке помолчали.

— Я сваливаю к деду в Бернгардовку.

— Сейчас?

— А думаешь, чего я бреюсь в восемь утра? Приезжай и обсудим.

Я ходил немного по комнате. Берда... Денег на электричку, разумеется, нет. Но их можно достать у друзей. А где взять друзей? Добробаба!

Добробаба

Некоторое внесение ясности. Если такая фамилия принадлежала бы мне, я бы повесился! А Добробаба не вешается. Никому в голову не приходит дразнить его Злобнобабой. Или Добродедой. Он Боря. Его уважительно называют Бочини — как футболиста с вкладыша от жвачки. Хотя я, на минуточку, тоже Боря. Почему никто не называет меня Бочини? Меня и Борей-то никто в школе сроду не называл.

Называть человека по имени — всё равно что общественное признание получить.

Взять, скажем, Кактуса. Его дразнили Пегим и Пекалем — даже девчонки. А он надеялся, что все повзрослеют и станут называть его Петей. Но вмешалась щетина. Как только Петя сбрил первые признаки бороды, она попёрла обратно и даже «здравствуйте» не сказала. Если Петя не брился пару дней, он становился похож на боярина доперовской эпохи. И армяне из продуктовых ларьков желали ему счастья и благополучия.

Однажды кто-то из школьных оригиналов провел параллель с ошкетинившимся...

Этот дурак не мог с ходу поймать мысль...

— Кактусом? — поймал мысль Петя вместо него.

Вот и все.

С тех пор Пекаля называет Кактусом даже родная мама!

А Добробаба ни на какое признание не претендовал. Он с ним родился. Оно досталось ему от дедушки. Тот был усыновлён партией первого ленинского призыва, как Маугли. На членов партии второго призыва дедушка смотрел сверху вниз.

Выгода от дружбы с Добробабой была неравноценным обменом, но — некоторое внесение ясности! — мы подружились еще в детском саду, когда неважно, растёт ли под боком клешня и какого призыва ваш дедушка.

Гораздо важнее были игры в индейцев. Индеец Клешня мог при надобности вытащить клешню из-под рубашки и завязать галстуком. Индеец же Добробаба по прозвищу Острый Клык сроду никого не кусал и однажды ему пришлось прокусить шланг в доказательство остроклычности. С тех пор, он выделял звуки исключительно дёснами. «Айяйяй» он ещё мог проговорить. А вот слово «монстр», где целых четыре согласных...

Впрочем, я забегаю вперёд. Монстр с четырьмя согласными в его жизни скоро появится.

Без зубов жизнь Добробабы потекла вопреки чаяниям. Он попёр на красный диплом, стал светилом организации и собирался жениться на самой красивой районной тусовщице — брак! Вот только с браком произошла небольшая проблема. Влюблённые отказывались ждать восемнадцати лет и желали закрепить узы уже в шестнадцать. Дедушка, конечно, мог повлиять. Но в медицине царила атмосфера даже не ленинского призыва, а декабристского или пушкинского. Там сказали, что справки о половой зрелости Добробабе не видать. Против природы, дескать, не попрёшь. От раннего вступления в брак у Добробабы может развиваться некроз тканей...

Эх, не ржать бы мне над ним, не подначивать на скороговорки с шипящими и не шутить над хвалёным некрозом... может быть, мы и продолжали дружить по-настоящему!

Но как удержаться от смеха, когда Борька с гитарой вопил:

«И если смейть моя застыянет в твоей глоткеее!»

Усе будут знать, цтьо ццязвимо злооо!».

Он слушал новую волну британского хеви-метала, а не тевтонскую, как все остальные. У него были кассеты групп «Фронт» и «Трезвость — норма смерти». За всё это Борьку можно было уважать, и я его уважаю. Пусть он одолжит мне два рубля... Пусть расскажет, как быть с

физручихой. То есть не с физручихой, а с директрисой... эх, Кактус... зачем я весь преподавательский состав-то сюда приплел!

Голые сволочи

Напевая про смерть, застрявшую в глотке, я поднялся в лифте на второй этаж.

Небольшое внесение ясности — этот гад промурыжил меня под дверью пятнадцать минут, а открыв, выдал тапочки. Сам был в кроссовках. Поверх футболки с логотипом-молнией он накинул кроваво-отравленного цвета халат.

Невеста, одетая в куртку и сапоги, крутилась перед зеркалом с помадой в руке. Дутая куртка напоминала сморщенный баклажан. А шарф — ну просто яичный желток, красотища! Бусы сверкали на внушительной груди! Грудь тоже лихо сверкала! Наклонившись, она доводила верхнюю губу до цвета обложки от паспорта. Перед невестой стояло маленькое пластмассовое зеркало. В нём отражался маленький пластмассовый я.

— Собираетесь, что ли, куда?

Борька развалился на диване. Он снял футболку и остался в джинсах с заклепками на ширинке. Невеста подвела верхнюю губу и захлопнула зеркальце. Не говоря ничего, она уселась Добробабе на колени и принялась класть румяна одновременно на обе щеки.

— Нет, жьём, — пожал плечами Добробаба.

— Чего?

— Когда Добробабе шестнадцать стукнет, — сказала невеста.

— А когда стукнет?

Она закончила с румянами и стала похожа на яблочко.

— Февотня чафов в дфенафтафь, — сделал усилие дёснами Добробаба.

— У вас все дома? — поинтересовался я. — Я в смысле того, что может вам будильник на время поставить?

— Будильник поставлен. Как прозвонит, сразу за документами, — пожала плечами невеста.

Я прошёлся по комнате, проведя рукой по полке. Пыль даже не уместилась в горсть.

Давно, эх, давно Добробаба не прикасался к своей новой волне британского хэви-метала.

— Вы сколько лет вместе?

Добробаба почесал переносицу.

Пассия растянула лицо в надменной улыбке.

— Я к чему, — повторил я. — Тоже хочу всё обставить. Чтобы с родителями не жить. У меня ведь... без некрозов, конечно... но...

Борькина пассия вздохнула и положила руку мне на плечо.

— Предлагаешь ему объяснить? На примере?

Добробаба покачал головой. Достал из ящика стола курительную трубку и медленно распытел её мелкими облачками. Откуда-то появился стакан холодной воды. Рядом лежала газета «Известия».

— Фто хофешь уфлышать ты, Вefная Клефня? — спросил Добробаба.

— Я больше не Верная Клешня тебе, Острый Клык. Меня зовут Боря, — сказал я, заметив, что пассия, вытянувшись ко мне, так и не втянулась обратно. Похоже, ей не нравятся игры в индейцев.

— Так ты тоже Боря? — спросила она, закуривая.

Я кивнул.

Пассия дернула плечом, скинула куртку и осталась в купальнике.

Я кивал головой без остановки.

— Значит так, Боря, — сказала она, — Слушай внимательно. С половыми вопросами обращайся к учителю семейведения, — сказала она и скинула с Добробабы халат.

— Фефefeфение не помофет, — проворчал из под неё Добробаба. — У этого фофона еще с фадика мфефeфинфкое факлюфение.

Некоторое внесение ясности. Мне захотелось схватить Борьку клешнями и тоже подмять под себя, откусив голову. Я начал снимать рубашку. Но пока рубашка снималась, раздался громкий удар. На оконном стекле нарисовалась паутина. Вскоре она не выдержала и рассыпалась осколочным штормом; стёкла исчезли.

Мы осторожно высунулись из окошка. Между деревьями бегало могучее бородатое существо. Рядом подпрыгивал кто-то мелкий и деловитый.

— Сволочи! Голые! Втроём живут и уже не стесняются!

Борька лег на паркет и накрыл голову.

А я получил камнем в глаз.

— Голые! — раздавались крики под окном. — Ох, я найду тебя, Добробаба! Ох, ты у меня горя хлебнёшь!

Как слон чихает

Обладатель нетрезвого баса спешил кинуться в ближний бой. Мешало то, что в пискарёвских парадных успели установить домофоны. Когда-то на них сдавали по пятьдесят рублей, и если бы жильцы добробабовского дома не сдали деньги вовремя, Добробабиному браку пришёл бы каюк.

— Это кто? — спросил я, потирая ладонью глаза.

— Папка, — ответила Борькина пассия. — Припёрся... И брат. Это он глаз тебе выбил. Оно и видно. Точнее, не видно.

— Да фто же это такое! Перех фамой зе фвадьбой! — разорвался Добробаба.

— Дерись, — цинично предложила Борькина пассия. — Или прячься.

Добробаба схватился за голову.

— Он нас везде найдёт.

А я подумал вслух:

— У Кактуса в Берде не найдет!

— Бефда? Фалеко! Гофится, — прохрипел Борька.

Индейцы в моей голове затанцевали вокруг костра и запели.

— Только вот во что бы одеться? — задумчиво спросила Добробабова баба.

Я оглядел её от лаковых туфель на каблуке до пряди. Вспомнил, как она недавно оглядывала мой внешний вид и решил не жалеть — сделал мат сразу тремя конями:

— Всё с себя снять! Надеть резиновые сапоги! Взять с вешалки ватник!

Борькина пассия презрительно фыркнула.

— Быстро, — заорал я. — Быстро как слон чихает. Знаешь, как слон чихает, Бочини?

Бочини не знал.

— Один говорит: «Ящики», второй: «Хрящики», третий: «Потащили». Ну-ка вместе: «Ящики! Хрящики! Потащили!!!»

— Яффики, — пискнул Борька.

Нам удалось выскочить из окна как раз в тот момент, когда был выломан домофон.

— Скажи, Острый Клык, а искать тебя предки не будут? — на всякий случай уточнил я, помогая Добробабе подняться с асфальта.

— Нет, — сказал Добробаба, запахивая халат. — Они на дафе... На дафте... Короче, вефь день...

Я почувствовал, как клешня моя скалится. Ну, быть Берде. Когда речь заходит о мести, я становлюсь коварен как барракуда. Я становлюсь коварнее, чем Капитан Карбованец, — и скоро все об этом заговорят.

Никто не имеет права никого предавать. Нельзя так вот запросто сменить хеви-метал британской новой волны на бабу в лаковых туфлях. За это ты будешь расплачиваться, Добробаба. Это тебе от меня и от тех, кого ты всю жизнь обманывал.

Итак, вперёд. Ящики, хрящики, потащили.

Бряк распадается

Нормальных людей в электричке не наблюдалось. Те, кто сидел рядом с нами, либо шарились по грибы, либо непосредственно в этом вагоне и проживали. Борькина пассия откровенно скучала. Она курила, никого не стесняясь, а пепел бросала в резиновый сапог. Сапог снимался и надевался под сердитые взгляды пассажиров с детьми. За пассажиров с детьми она принимала компанию беспризорных стрижей в сопровождении милиционера.

От нечего делать я отпер окно. Пришлось подталкивать язычок клешней — так, будто моя клешня консервный нож для тушенки. Никому из пассажиров и в голову не пришло заподозрить, что я не такой, как они.

Денег мы не платили. Контролёр то и дело оборачивался в нашу сторону. Уж не консервный ли нож его мой смутил?

Пассия выдула из резинки пузырь и капризно спросила:

— Что вылутился?

Контролёр открыл рот, но ничего не ответил.

— У нас бряк распадается, — сказала пассия.

Добробаба сердито поправил: — Бфак!

Он нервничал и смотрел в сторону тамбура. Пассии было совершенно всё равно — бряк или бфак... Она жевала резинку с сиропом. А я отколупывал жёлтую краску с сидения, лузгал как семечки и наблюдал за происходящим без интереса.

Контролёр бросил на Добробабу недобрый взгляд и отвернулся. Рядом сидел малолетний цыган. Он сосал петушка на палочке и прижимался к контролёру, как к маме.

— У нас бряк распадается... — повторила пассия.

Она затушила сигарету о запотевшее стекло и жирными буквами вывела на нём слово «Дашуха».

Так я узнал, что её Дашухой зовут.

Кепка

Голубые бусины фонарей отбрасывали свет на платформы залитые лужами. Мелькавшие за окном избушки озаряла брусничного цвета луна.

Электричка завывала:

— Двери закрываются. Двери закрываются. Мель-мель-мельничный ручей. Станции Кир-кир-кирпичный Завод, Радченко, Дунай и Петрокрепость без остановок!.

— А нам не Бейдян... Бейгад... нам раньфе выфодить не нядо быо? — поднял голову Борька.

— Ах, я садовая голова, — заорал я. — Это же не Бернгардовка! Сады-ы-ы-ы! — специально так завывал!

Я устроился поудобнее и стал смотреть, как пассия стучит ногой в пол. Добробаба уже все сигареты сломал. А у меня в голове заиграла пластинка. Та, на конверте которой слон в гороховых трусах и фарцовый верблюд с рюкзаком заблудились в лесу из треугольных ёлочек.

«Цык-цык-цуцук»...

Чтобы успокоиться, я принялся наблюдать, как играют в карты вагонные забулдофили. Забулдофили ругались и били друг друга картами в нос. Били сильно, а битые даже не дёргались.

Я следил, как кудрявый мужик в кепке с пластмассовым козырьком ведёт игру; не сдаёт, а выжидает; оранжевое слово «Миша» на его пульсе слегка шевелилось.

Добробаба,ломавший все сигареты, вдруг шлёпнул рукой по пластмассовому козырьку.

— Фявай, пепка, фтоф ты, ууу...

Игра прекратилась.

Все замолчали. Забулдофиль поднял злые глаза на Добробабу и переспросил:

— «Пепка»?

С Борькиной дикцией вступать в диалог было совершенно непредусмотрительно.

— Кепка же, — принялся выкручиваться я за него, — Не пепка, а кепка. На вас кепка, это меняет всё дело...

— Кепка? Я? ... Кепка? — Забулдофиль вбивал в каждое слово по вопросительному знаку.

Я попятился к тамбуру.

— Ну-ка, — подставили мне подножку.

— Садыыы-ы-ы-ы!

Некоторое внесение ясности — когда долго держишь клешню взаперти, она бьётся и все вокруг чешется... Я успел только выдохнуть.

Пока Борьку выбрасывали из открывшихся дверей на платформу, я с достоинством подал руку Дашухе. Кепка провожал меня осоловелым взглядом. Контролер догорал на сидении умиравшим мотыльком. Цыганенок тыкал ему в спину овечей ногой — по-ихнему «овечей ногой», а по-нашему ножом, сделанным из напильника.

Тут я задумался.

Мне что, теперь, хулиганов ловить? Как раз в промежутке между учёбой и поступлением в технический ВУЗ, из которого меня наверняка выгонят.

А что? Физическим трудом я брезгую. Вдруг получится заработать на производстве клешней? Руки из жопы — пожалуйста... Клешня? В таком деле, она была бы бесполезна.

— Ну? — вывел меня из задумчивости Добробаба, — бует там элэфтрифка ефё или нет? Фафпифание у фебя ефть?

Фафпифание? Мысли затормозились. Не мысли, а обветренная колбаса; перед употреблением которой надо срезать верх и жарить на сковородке... Расписания не было. Я порвал его на куски до того, как сесть в поезд.

— Слушай, Острый Клык, — развел я руками, — а ведь придется пешком. Тут недалеко... вроде.

Добробаба схватился за голову.

«Цык-цык-цуцык», — запели звери с детской пластинки. Сначала медленно, потом быстрее.

Пластинка разгонялась. Я решил подождать, пока всё не закрутится с правильной скоростью.

«Ящики, хрящики, потащили!»

Виращ

Ну... как сказать, потащили.

Чихающий слон пожалел бы, если с нами связался.

Мастер по ориентированию из меня никудашный.

С детства люблю ходить в лес, но умею только орать из кустов: «Помогите!». Это семейное, по маминой линии (по папиной, как вы помните, всё гораздо сложнее).

Некоторое внесение ясности. Все мамы родственники, так или иначе, заблудились в лесу. Не в том, разумеется, смысле, что тихо сгнули с криками: «Аа, лес, извини», а в том, что встали в самом глухом его месте и провозгласили: «Неужто ты, лес, привёл меня к гибели?».

Некоторое внесе... далёкий мой предок служил обервальдмейстером ещё при Петре Первом. Император заставлял его ходить на бекасов и вальдшнепов (с ударением на первом слоге). По итогу одной такой травли, предок запутался в силках, треснулся головой и уснул в можжевельнике. Проснувшись, попытался вылезти, но можжевельник его не отпускал — отмстил, истерзав до смерти.

Замыкала линию история отморожившего ноги дедушки Вираща, который на соревнованиях по зимнему ориентированию выпил жидкостный компас «Бусёл». Оставшись без ног, он до конца жизни передвигался при помощи роликовой доски «виращ». Его так и называли — Виращ. Не сразу поймёшь, в чём тут дело.

Мама в лес с тех пор не ходила, намереваясь порвать со страшной преемственностью. Дед Виращ дожил до девяноста лишь потому, что с тех пор в лесу больше не появлялся и другим вперёд наказал. А я, хоть и не люблю эти истории про лес, но тянет меня почему-то туда со страшной силой...

Папа даже воспитательную работу со мной проводил:

— Ты же морской гад? Морской! В лесу с клешней ты не выживешь!

Да что клешня... Ей и банку стужёнки-то не открыть. В лесу с клешней делать нечего.

Но я всё равно люблю этот лес.

Хорошо здесь, чёрт подери, и даже запахи все особенные.

Идёшь, о кочки себе спотыкаешься. Красота! От комаров всё приходит в движение. Лес, можно сказать, сам движется мне навстречу. Братские могилы в деревне Верхние Никулясы шевелятся так, что отдыхающие на дачах поговаривают, дескать, живёт в лесу чёрт, из-за которого не вернёшься на следующий год таким же, как прежде. Что тут поделать. Это «Дорога жизни».... В некотором смысле и про братские могилы так можно сказать. Ну и про комаров, разумеется, тоже.

Зарница или задница?

В красоте ночных пейзажей «Дороги жизни» Добробаба не разбирался. Если согнать комаров с его лица, можно было прочесть, что там написано: «Лучше на электричку».

На электричку, не на электричку, а по шпалам было бы безопаснее и даже быстрее. Но ведь хозяин положения — я. И пусть Добробаба спрашивает, в каком болоте тонуть и в каком месте покакать!

Я ни на секунду не сомневался в маршруте. В болоте мы потонули лишь раз и неглубоко. Дорогу меряли клочками от календаря садового, который Добробаба подобрал на платформе.

Кто-то за нами следил. Ходил, мял кочки, прятался за деревья. Пару раз пометил баклажановую куртку тремя рваными полосами.

Думаю, добробабина пассия просто цепанула дерево неподходящим для лесных прогулок нарядом. Сама виновата. Я её предупредил.

Зайдя в лес глубоко, я почувствовал, как мне сверлят голову, с хрустом уминая в ней мысли послойно. Будто слон протанцевал, разбросав мысли по голове, и спиной там еще почесался. Такой же расклад был в голове у Борьки и его глупой баклажановой бабы.

Затем я увидел, кто за нами следит. Это был средних размеров медведь. Он быстро махнул мне рукой и скрылся за дерево.

Стайка крыс, трудившаяся над трухлявым пнём, добывая палочки, бросилась врассыпную. Некоторые даже на дерево забрались — смехота, да и только.

Я засмеялся.

Борька запсиховал.

— Зарница или задница? — закричала Дашуха.

Небо над головой нахмурилось не на шутку.

— Задница? Или зарница?

Чёрт с ним, с петровским обервальдмейстером. Комары! — и те на моей стороне.

— Да знаешь ли ты, Добробаба, — впервые я называл Борьку по фамилии. — Нет, не так... Знаешь что, Добробаба, — загремел я на весь лес с эхом, не снившемся директору стадиона. Аба-аба-аба! Эффект мне понравился. Я бы орал ещё и ещё, но из меня пощёрла клешня. Она уставилась на Добробабу. Медведь удивлённо высунулся из-за дерева и причмокнул. Заворожённый Борька тоже начал причмокивать.

— Уберррите его от меня. Уберррте... Он ведь монстрррр! Монстрррр, монстррр, монстрррр!

Совладав с дикцией, Борька бросился прочь по направлению к деревне Верхние Никулясы. Деревня была заброшенной. Медведь показал мне «окей». Попытка не удалась — когти в «окей» не складывались. Медведь рванул в сторону убежавшего Борьки... Ага! Ну, хоть не скучно ему одному будет бежать, да и быстрее на станции он окажется!

Я даже забыл, что мы остались наедине с Борькиной невестой.

— Я люблю тебя, Раков, — басом сказала Дашуха и нежно поцеловала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.